

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81'255.2(=511.113)

Б. И. Балясный

СВОБОДА И НЕСВОБОДА «В ЗЕРКАЛЕ» ПЕРЕВОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОИХ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ КАЛЬЮ ЛЕПИКА И КАРЛА РИСТИКИВИ)*



Тема *свободы* и *несвободы* раскрывается в статье автора (переводоведа и переводчика) на материале биографий и произведений эстонских поэтов-эмигрантов Калью Лепика и Карла Ристикиви. Автор полагает, что жизнь и творчество – две стороны одного и того же феномена. Это становится еще очевиднее «в зеркале» перевода.

Ключевые слова: поэт, чужбина, родина, Эстония, свобода, эстонская эмигрантская литература, биография авторов, стихотворные формы, поэтические переводы, внутриязыковой перевод, сравнительный анализ.

Уже более 15 лет я преподаю в Таллиннском университете теорию и практику перевода – предметы, на мой взгляд, весьма непростые для восприятия вчерашними школьниками. Поэтому неудивительно, что даже сугубо научные мои статьи заметно тяготеют к популяризации. Вероятно, сказывается то, что я пришел в переводоведение не из филологии, а из литературы. Еще во время учебы в докторантуре отделения семиотики Тартуского университета профессор Пеетер Тороп, мой руководитель, частенько журил меня за то, что, когда я пытался анализировать чьи-то поэтические переводы, анализы получались не переводоведческими, не литературоведческими и даже не литературно-критическими. Они были «коллегиальными»: в данном случае это означает, что, обнаружив огрех в чьем-то переводе, я тут же предлагал пути улучшения текста, т. е. подходил с позиций коллеги-переводчика поэтических текстов. Мне и сейчас более академический подход дается с большим трудом, наверное, потому, что сам процесс перевода мне слишком хорошо известен, причем более «изнутри», чем снаружи.

Однажды мне предложили выполнить внутриязыковой перевод стихотворения Леонтия Белоуса «Плач о реке Нарове», а позднее написать статью

* Статья представлена на II Международной научной конференции «Концепт свободы в литературах Восточной Европы». (15 октября 2014 г., Нарвский колледж, филиал Тартуского ун-та.)



о некоторых аспектах внутриязыкового перевода. Оба предложения показались мне интересными по причине очевидной их новизны, по крайней мере для меня. Но если с переводом всё было более или менее понятно, то со статьей о его особенностях оказалось сложнее. Пришлось заняться делом достаточно неблагодарным, а именно – попытаться выступить в двух ипостасях (т. е. переводчика и переводоведа) одновременно [1. С. 38–46]. Если бы этот перевод был выполнен не мной, а другим переводчиком, все было бы много проще. Я бы (как, например, М. Л. Гаспаров в статье «Подробный разбор одного стихотворного “Перевода”», в которой анализируется «как бы перевод» с русского языка на русский же [2. С. 434–439] произвел бы более или менее полный сравнительный анализ оригинала и перевода, перечислил бы его достоинства и неизбежные недостатки и сделал бы соответствующие выводы. Но разбирать таким образом собственный перевод, согласитесь, довольно сложно по целому ряду объективных и еще более – субъективных причин. Просто же написать нечто вроде: «В своей работе я столкнулся с проблемой или проблемами...» – и далее перечислить все эти «неимоверно сложные» проблемы, а вслед за тем продемонстрировать «неожиданно-блистательные, остроумные и единственно возможные» приемы их разрешения, было бы смешно и странно (чтобы не сказать *неуместно и глупо*). Меня всегда смущает, когда литератор (в том числе и литературный переводчик) начинает свою речь примерно так: «В своем творчестве я руководствуюсь...» – дальше, как правило, читать (слушать) не хочется [1. С. 38–46].

Простите за такое пространное вступление, но и сейчас я оказался в очень похожей ситуации, так как собираюсь говорить о свободе (и несвободе) в зеркале перевода, причем по материалам своих переводов стихотворений Калью Лепика и Карла Ристикиви.

Тема *свободы* и *несвободы* занимает заметное место в творчестве любого художника, ведь он, как правило, не бывает свободным от власти имущих, и уж точно несвободен от обычаев, морали и проч. социума, в коем проживает. Поэт хотел бы просто петь. А благодарная аудитория за это кормила бы его и всячески ублажала. Приблизительно так и говорил Осип Мандельштам, один из самых выдающихся (а может, и самый выдающийся) русских поэтов XX века, человек умный и тонкий, но в делах практических не слишком искушенный. Нет, он понимал, что диктатора, как и любую власть, дразнить нельзя, просто он жил по законам скорее поэтическим, чем социальным, за что и поплатился жизнью.

Однако бывает и иначе, когда поэт, в общем-то птичка Божия, в каких-то случаях вдруг становится очень даже практичным и постигает связь между написанной строкой и степенью наполненности кормушки, как следствием написания или ненаписания столь необходимой его благодетелю строки. И цену своей работе назначит, и торговаться станет не хуже иного рыночного торговца. Но, увы, соловей – птица свободолюбивая и не поет почему-то даже в золотой клетке. А канарейка поет. Но эта птица, хоть и певчая, все же не соловей. И даже насыпав ей каких-нибудь особенных зернышек, в лучшем случае услышишь жалкую пародию на соловьиную вольную песню. Не то чтобы поэта совсем нельзя былокупить, – можно: придворных поэтов было (а боюсь, что и будет) великое



множество. Однако, как говорил философ Зурмансор писателю Баневу в повести братьев Аркадия и Бориса Стругацких «Хромая судьба», «Президент думает, что он купил художника Р. Квадригу. Он ошибается, он купил халтурщика Р. Квадригу, а художник протек у него между пальцами и умер» [3. С. 137].

Году, наверное, в 1989-м появился в моей жизни поэт Калью Лепик, когда журнал «Радуга» (я тогда уже много переводил и публиковался) предложил мне перевести цикл стихотворений Калью Лепика «Я люблю негритянку». Подборка меня заинтересовала, сидел я над ней как-то на работе (а работал я тогда русским консультантом в Союзе писателей Эстонии) и за чем-то зашел ко мне Эндель Маллене, мой коллега, тоже литконсультант. Он спросил, над чем я работаю, улыбнулся и предложил мне в подарок единственную изданную тогда в Эстонии тоненькую книжечку («Sina oled kuusik ja mina leplik». Tallinn, 1965), как приложение к газете. Я тогда пожалел, что формат литературного журнала не позволяет опубликовать все, но когда-нибудь... Прошло больше десяти лет, и вот в 1998 году издательство «Авенариус» предложило мне для начала перевести несколько стихотворений К. Лепика на мое усмотрение. Я перевел, потом мне предложили продолжить эти занятия, ну, я и перевел ту самую книжечку, которая была мне подарена. В том же году издательство «Авенариус» в рамках проекта «Эстонская поэзия для русской школы» выпустило книгу. И в том же году я встретился с приехавшим в Таллинн автором. Он меня тепло поблагодарил. К моему удивлению, выяснилось, что он еще немного помнит русский, он даже объяснил мне разницу в этимологии слов *конь* и *лошадь*, и подписал мне книжку на память.

Калью Лепик, на мой взгляд, был одним из самых больших европейских (и не только из числа эстонских) поэтов своего времени. Он писал просто и не просто, палитра его весьма многообразна. Пожалуй, две вещи поразили меня в нем: во-первых, вынужденный бежать из собственного дома, он испытывал чувство горечи, а не озлобленности; а во-вторых, он, насколько я знаю, никогда ничего, кроме стихов, не писал. Это в эмиграции. Поразительно.

«В одном стихотворении в прозе, которое, кстати, он посвятил себе самому и которое носит длинное название “Заранее написанная юбилейная речь к пятидесятилетию Калью Лепика”, поэт не слишком всерьез, но и не совсем простодушно, хотя все же играючи, сочинил автобиографию: “В пять лет выучился читать. Ходил в деревенскую школу. От бабки унаследовал поэтический настрой и начал петь песни. Вначале в хоре воскресной школы. Потом в хоре коммерческого училища. Взяли в студенты. Ходил в университет. Взяли в солдаты. Взяли в лодку. Взяли в беженцы. Старостой класса или председателем какого-либо общества не был. Красных не терплю. Такой патриотический, эмигрантоцентричный певец. Словом, настоящий парень”» (цит. по предисловию Пярта Лиаса к переводному сборнику К. Лепика «Стихотворения») [4. С. 8].

Лингвист и литературный критик Ильзе Лехисте в эссе «Трое эстонских писателей и переживания изгнания», рассматривая творчество эмигрантов – Карла Ристикиви, Бернарда Кангро и Калью Лепика, – метко охарактеризовала эмигрантскую литературу как переживание изгнания. По И. Лехисте, это означает «...сохранить себя как часть эстонской культуры и продолжить ее создание»



[4. С. 11]. Переживание изгнания – это свобода творчества, которая позволяла и сохранять сделанное ранее, и творить по-новому, в рамках устремлений мировой литературы второй половины столетия (с такими устремлениями на родине боролись беспощадно).

Еще осенью 1940-го года поэт декларировал:

Ветры свободы, мы мчимся вперед над просторами –
ветер не удержишь цепями!
Нет, не попятятся, даже не сдвинутся в сторону
те, чьи сердца разгорелись кострами,
ветер вдохнули*.

А позднее, во втором своем сборнике «Игрок» (1948), он пишет:

Цепь и ветер

Цепь. Ржавую на перилах
старого моста.
Меж фонариков уныло
ветер выюжит,
ночь пуста.

Выл века, преград не видя,
ветер, вольной воли птах.
Что приходит? Прииди!
Не сидеть тебе в цепях.

Цепь, ты ржавым
сном уснула.
Спишь под скрип перил.
Ты сама к ним приковалась –
ветер пошутил, улетел,
а ты осталась.

Нетрудно догадаться, что *ветер* – это свобода, а *цепь* – отказ от нее, пусть даже добровольный (ты *прикован* к самому себе). Резок контраст *цепи* и *ветра*: ветер кружит снег, он воет тысячелетиями, смеется и *улетает*. Цепь, напротив, заржавела, спит *ржавым сном*. Уже этот текст Лепика позволяет нащупать первые многослойные аллюзии. Свобода и скованность как противопоставление понимаются конкретно, в них можно усмотреть хотя бы контраст Эстонии и эмиграции. Пребывающий на чужбине – птица на поляне; живущий дома – на перилах моста. Но можно усмотреть и противопоставление любой подвижности любому же застывшему состоянию, что делает этот контраст универсальным, то есть не зависящим от среды обитания и времени.

От книги к книге все более чуткой к искусству становится его поэзия, одновременно неприкрыто злободневная и вневременная. Поэт очень внимательно

* Здесь и далее переводы мои. – Б. Б.



следит за жизнью на родине и на чужбине. Его интересуют идентичность, судьба народа и способность человека остаться человеком в тигле второй половины последнего века этого тысячелетия. Поэтому неудивителен диапазон его интонаций: от горького сарказма до возвеличивающих гимнов.

В этой статье я не собирался анализировать поэзию Калью Лепика, а хотел взглянуть на его личность сквозь призму его же творчества в зеркале даже не перевода, а времени. Но и очень поверхностно характеризуя его поэзию, неправильно ограничиваться только творчеством. Необходимо отметить, что импульсы, которые дала его поэтическая реформа, безусловно отразились на развитии эстонской поэзии, начиная с 1960-х гг. Да, изданные в Швеции книги до 1988 г. официально существовали только в спецфондах, и их могли прочитать лишь немногие литературные чиновники, но поэзия его была известна на родине. Выше уже сказано, что маленькая подборка его стихов была опубликована в сборничке «Ты ельник, а я ольшаник» («Sina oled kuusik ja mina leplik»). Tallinn, 1965), а кое-что вошло в Антологию эстонской поэзии (Eesti luule antoloogia, 1967 г.). И все же он был известен в Эстонии не только по этим двум публикациям; у лирики Лепика немало точек соприкосновения с поэзией Пауля-Ээрика Руммо, Хандо Руннеля, Яана Каплинского, Вийви Луйк, Юхана Вийдинга, Артура Алликсаара.

Еще одним большим поэтом, с которым мне повезло познакомиться, но, увы, не довелось встретиться, был Карл Ристикиви. Мне снова предложили в издательстве «Авенариус» сделать перевод в рамках того же проекта. Я был знаком с прозаическим творчеством Карла Ристикиви не так хорошо, как Яника Кронберг, но достаточно, чтоб понять, что это не рядовой беллетрист, а писатель большой и серьезный. Приступая к работе, ознакомившись с биографией автора, я пребывал в уверенности, что поэзия для него – как своеобразная жилетка, в которую можно выплеснуть свои горькие эмоции. Этот человек казался сдержанным настолько, словно вечно был в мундире, застегнутом на все пуговицы.

Как же я ошибался! Передо мной лежали 40 удивительных стихотворений, разбитых на циклы и отдельных. Перечитывая их в очередной раз, я пришел к твердому убеждению: чтоб собрать 40 таких стихотворений, необходимо отбирать их из 400, а может быть, и из 4000. Оказалось, что это всё, что он нам оставил. А какой был мастер... Он виртуозно владел формой, в одном стихотворении он писал, случалось, сразу о нескольких вещах, причем они могли быть разбросанными во времени и в пространстве. Но поэту это ничуть не мешало: он оперировал множеством фактов, понятий, категорий с легкостью ярмарочного жонглера. Но это была легкость упорного профессионала, то есть труженика.

Жизнь не баловала и его: уже с детства пришлось вместе с матерью в постоянных поисках заработка перебираться с места на место, и в школу он пошел только в 10 лет, правда, всегда учился отлично. О гимназии и не мечтал, но закончил Торговую школу в Таллинне, а вот Тартуский университет Ристикиви закончил уже после смены в Эстонии нескольких властей, в нач. 1942 г., в период немецкой оккупации. Он получил, как всегда, диплом с отличием, и ему пред-



ложили работать в университете. Но работать пришлось недолго. Весной 1943 г. К. Ристикиви вступил добровольцем в немецкую армию – это позволяло избежать отправки на фронт: добровольцу полагалось служить где-нибудь в тылу, при штабе. После полугода службы стрелком и писарем Ристикиви получил положенный отпуск. Приехал в Таллинн, переоделся в гражданскую одежду и ночью 26 ноября 1943 г., приговаривая себя к пожизненной эмиграции, отплыл на рыболовной лодке в Хельсинки. А через год, в 1944, перебрался в Швецию, возможно, поэтому и не оказался среди выданных советским властям бывших немецких военнослужащих. В Швеции он попал в лагерь для переселенцев, но вскоре, благодаря высшему образованию, получил место в Институте географии при Уппсальском университете. А уже с 1947 г. он поселяется под Стокгольмом, где почти до конца жизни работает страховым агентом и чиновником больничной кассы. Смерть он встретил в полном одиночестве, впрочем, К. Ристикиви всегда был одиноким. Даже в компании он обычно оставался «на заднем плане», что видно на многочисленных групповых фотографиях.

Постоянно переселяющийся с места на место, ежегодно посещающий разные европейские государства, объявивший, что его национальность – «европеец», автор 17 романов, Карл Ристикиви умер, наверное, 19 июля 1977 г. (через несколько дней его нашел мертвым поэт К. Лепик). Дату его смерти восстановили по результатам вскрытия и другим косвенным данным (например, по газетам, найденным на полу прихожей). Прах Карла Ристикиви был захоронен 17 августа того же года на Стокгольмском Лесном кладбище.

Эстонская эмигрантская литература возникла после 1944 г., когда около 70 000 человек эмигрировали из Эстонии. Основные эмиграционные центры образовались в первые же несколько лет: наиболее крупным стала Швеция, там поселилось более 20 000 эстонцев; немного позже в Канаде и США жило соответственно 16 и 17 тысяч эмигрантов; меньшими группами, примерно по пять тысяч, эстонцы жили в Австралии, Англии, Западной Германии и других странах.

С 1945 г. в Швеции действовали эстонские издательства, самым крупным из них было издательство Кооператива эстонских писателей, существующее в Лунде и по сей день. Первый журнал на эстонском языке вышел в 1944 г. в Хельсинки, журнал «Тулимульд» (Огненная земля) до сих пор выходит в Швеции четыре раза в год; в США продолжает издаваться журнал «Мана» и др. По данным писателя Б. Кангро, бывшего председателя Кооператива эстонских писателей, за сорок лет существования эстонской эмигрантской литературы вышло из печати приблизительно 800 первоизданий: 400 прозаических произведений, 200 сборников стихотворений и др.

Среди этих приблизительно 200 сборников стихотворений была и одна-единственная поэтическая книга Карла Ристикиви «Пути человеческие» (Inimese teekond), изданная в 1972 г. в шведском городе Лунде.

Не будь у К. Ристикиви друзей, не было бы и этого единственного сборника. По их настоятельной просьбе автор собрал все свои ранее опубликованные стихи (и часть новых) в книгу, которая увидела свет к самому его 60-летию. Появление сборника не стало новостью для эмигрантского круга читателей,



поскольку уже с 1950 г. на страницах журнала «Гулимульд» публиковались циклы стихотворений Ристикиви, к тому времени весьма известного романиста и критика; стихи его можно встретить и в романах, где они «вложены в уста» литературных героев.

Несмотря на то что сборник вышел в 1972 г., поэтическое творчество К. Ристикиви следует отнести к 1950-м гг.: тогда была опубликована значительная часть его произведений. Сами по себе 1950-е гг. в эстонской эмигрантской поэзии были разнообразны и по мотивам, и по кругу тем, продиктованных самой жизнью. Перед писателями-эмигрантами (и не только перед ними) встали вопросы: кто они там? откуда идут? что и почему случилось? Творчество поэтов и прозаиков изобилует мотивами воспоминаний. В первое десятилетие звучит и надежда на возвращение, хотя эстонская интеллигенция, учитывая пример и опыт русских эмигрантов первой волны, могла бы понять, что обратного пути нет.

Доминирует мотив воспоминаний, но параллельно в творчестве почти всех писателей и поэтов эстонского зарубежья присутствует мотив *бегства*. Исключением не стал и поэт К. Ристикиви. Уже в стихотворении «Почти произносишь: Ну вот и весна...», открывающем цикл «Hårsfjärden», лирическому герою в момент пробуждения вдруг кажется, что за окном шумит море его детства. Однако в реальности все обстоит иначе:

Почти как вчера, как давненько
шумит за островами скалистыми
то море, из детства, мерцающее –
когда б не врывался ревнивый мой ум
сквозь мягкий ковер из дремоты и сна,
и мне не втолковывал: флот твой несет
на рифы реальности утренний свет.

Такое понимание и осознание единого не только моря, но и тумана, неба и прочего встречается и в цикле «Фрагменты “Запретной зоны”», видимо, задуманном более крупным, что подсказывает уже само слово «фрагменты» в его названии. Вместе с пониманием единства *ночи* и *неба* приходит и другое:

<...> отдалились звезды,
и ни одного не осталось
у меня светового года.

В этом – полное понимание того, что реальность оказывается совершенно другой: *землей обетованной* теперь стала непостижимая родина, а в мире автору открыты все гавани, кроме родных. Осознание недостижимости родных краев усугубляется с каждым днем, из-за чего он «...новый день встречает все сердитей». Идиллическую страну Аркадию (она же – родина) отделяет вода, то есть море, и лирическому герою остаются только вопросы: проклинать самого себя или судьбу – за чувство бездомности в душе? Хотя разум пытается доказать, что он привыкнет, смирится со своей судьбой, но, корабль, давший поэту новую жизнь, он сравнивает с лодкой Харона на Стиксе, то есть новую жизнь вдалеке



от родины Ристикиви сравнивает со смертью, а постель, вызывающую горькие воспоминания, – с гробом.

В 1960 г. К. Ристикиви, как и многих других деятелей культуры эстонского зарубежья, стали признавать на родине. В Эстонии начали публиковать произведения эмигрантских авторов, в том числе К. Ристикиви, у которого в 1966 г. на родине был издан роман «Остров чудес» (Imede saar). Несмотря на это, отношение его к советской Эстонии оставалось скептическим – в стихотворении «Странник, ступай!..» автор просит путника понять его категорический отказ вернуться как неумение жить по жестким правилам, жить пленником у себя дома:

скажи, что я не могу
идти под прицелом, идти
в сопровожденьи конвоя.

Ристикиви отказался посетить Эстонию даже туристом, он не видел никакой возможности сотрудничества с режимом, воцарившимся в его доме, и всегда был убежден в невозможности возвращения: «Нет, мы никогда не вернемся на этот берег...», – дважды повторяет он в одноименном стихотворении, говоря как бы от имени всех эмигрантов. Он пытается смягчить бесповоротность своих высказываний в другом произведении, говоря, что жизнь продолжается и берег – всего лишь место, где завершается одна жизнь и начинается другая. Вполне нормальным Ристикиви кажется то, что в его бывшем доме может жить кто-то другой, и для чужого его дом будет священным местом:

Когда, устав, под вечер он присядет
на место, где сидел я до него,
да будет место то благословенно,
поскольку это – дом.

Несмотря на то что сам Ристикиви, начиная с 1948 г., написал целый ряд рецензий на поэтические сборники, его отношение к анализу поэзии было резко отрицательным. Он считал, что «...поэзия не предназначена для анализа, равно как цветы не подобает выщипывать щипцами. Всякие толкования являются второстепенными по сравнению с главным – угадыванием основного настроения в стихах и целых циклах, чего он в своих обзорах и разборах и пытается добиться. В его представлении жизнь человека – это вечное стремление и вечная борьба за победу над противостоящими силами и достижение этим своей цели, но даже над удачами воцаряется фатальная неизбежность и проигрыш судьбе» (цит. по предисловию Аурики Меймре к переводному сборнику К. Ристикиви «Пути человеческие») [5. С. 34–35]. Вот и я не стану подвергать разбору поэзию этого выдающегося эстонского писателя, который в чем-то так и не был понят своим читателем. Как и в части о Калью Лепике, я просто попытался взглянуть на личность Ристикиви сквозь призму его же творчества в зеркало, может быть, не столько перевода, сколько времени.



Рамки формата статьи не позволяют мне хоть сколько-нибудь рассказать о других поэтах, которых я переводил, а рассказать хотелось бы. И не только об эстонских поэтах «для взрослых», но еще больше – о поэтах «для детей». А это немало славных имен.

А вообще, устанавливать меру таланта по опубликованным, точнее, получившим большую известность произведениям, можно (иной возможности у литературоведов, критиков, да и читателей просто нет), но всегда ли это бывает объективно? Сколько раз случалось обнаруживать гениальные произведения, до того никому неизвестные? А сколько так и не были обнаружены, а возможно, и не написаны. Поэтому представляется уместным закончить цитатой из рассказа Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай»:

– Человек, который не получил награды на земле, может быть спокоен – он непременно получит ее здесь.

– Но почему же так обидели Шекспира, заставили его шагать позади каких-то башмачников, коновалов и точильщиков, о которых никто и не слышал?

– А это и есть небесная справедливость: на земле их не оценили по достоинству, здесь же они занимают заслуженное место. Этот портной Биллингс из штата Теннесси писал такие стихи, какие Гомеру и Шекспиру даже не снились, но никто не хотел их печатать и никто их не читал, кроме невежественных соседей, которые только смеялись над ними. <...> В ту же ночь Биллингс умер. Он совершенно не рассчитывал попасть в рай и уж подавно не ожидал торжественной церемонии; наверно, он очень удивился, что ему устроили такой прием [6. С. 215–216].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Балясный Б. И.* Плач о реке Нарове. Некоторые аспекты внутриязыкового перевода // Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Тарту, 2002. С. 38–46.

2. *Гаспаров М. Л.* Подробный разбор одного стихотворного «перевода» // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 434–439.

3. *Стругацкие А. и Б.* Хромая судьба. М., 1997. С. 137.

4. *Лиас П.* Калю Лепик – предисловие к сборнику К. Лепика «Стихотворения». Таллинн, 1998. С. 8, 11.

5. *Меймре А.* Европейец, рожденный в Эстонии – предисловие к сборнику К. Ристикиви «Пути человеческие». Таллинн, 1998. С. 34–35.

6. *Твен М.* Путешествие капитана Стормфилда в рай // Письма с Земли. М., 1964. С. 215–216.

Поступила в редакцию 18.01.2015

B. Balyasny

Freedom and Unfreedom in the Mirror of Translation (on the Base of my Translations of the Lyrics by Kalju Lepik and Karl Ristikivi)

As a specialist in theory and practice of translation, the author of the article considers the works by emigrant poets Kalju Lepik and Karl Ristikivi indicative of his own creative work.



Here he tries to detect the topic based on their biographies and works. It is generally assumed that in a strange land even a successful poet cannot be happy. As for those two poets, it is really amazing how the stages of their lives and creative development coincide. Even the superficial connection between them confirms that these are two sides of one phenomenon, which becomes much clearer in the “mirror” of the translation.

Keywords: poet, strange land, homeland, Estonia, freedom, Estonian emigre literature, biography of the author, poetic form, poetic translations, intralingual translation, comparative analysis.

Балясный Борис Исаакович,
доктор философии по семиотике и культурологии,
лектор теории и практики перевода,
Институт славянских языков и культур Таллиннского университета
10120, Эстония, г. Таллинн, Нарвское шоссе, 29
E-mail: boribal@hotmail.ee

Balyasny Boris,
PhD in Semiotics and Cultural Studies,
Lecturer of Translation Theory and Practice,
Tallinn University Institute of Slavonic Languages and Cultures
10120, Estonia, Tallinn, Narva Road 29
E-mail: boribal@hotmail.ee